

Научная статья
УДК 902/908+91
doi: 10.17223/19988613/76/25

О книге А.Н. Минха «Разбой и клады Низового Поволжья»

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет (филиал в г. Нижневартовске), Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Аннотация. Рецензируется книга видного дореволюционного исследователя, члена Саратовской ученой архивной комиссии А.Н. Минха о разбоях и кладах Низового Поволжья, изданная саратовскими историками-архивистами. Отмечается, что публикация является знаковым событием для российской историографии, специальных исторических дисциплин, этнографии и отечественного краеведения. Она позволяет по-новому взглянуть на культурный мир Поволжья, с давних пор бывшего важным регионом нашей страны. Его многовековая колонизация, рассмотренная сквозь призму народных преданий и разбойного эпоса, дает возможность увидеть историю и культуру поволжского края в контексте общего историко-культурного и политического развития России.

Ключевые слова: А.Н. Минх, Низовое Поволжье, разбой и клады, народные предания, историография, краеведение, научное исследование

Для цитирования: Мауль В.Я. О книге А.Н. Минха «Разбой и клады Низового Поволжья» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 213–219. doi: 10.17223/19988613/76/25

Original article

About the book by A.N. Minkh “Robbery and treasures of the Lower Volga region”

Viktor Ya. Maul

Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, VYMaul@mail.ru

Abstract. The article is a review of a book about robberies and treasures of the Lower Volga region written by a prominent pre-revolutionary researcher, a member of the Saratov Scientific Archival Commission Alexander Nikolaevich Minkh and published by Saratov historians-archivists. Two copies of the manuscript of this book are stored in the funds of the archival repositories of Saratov and St. Petersburg. It is noted that the publication is a landmark event for Russian historiography, special historical disciplines, ethnography and national local history. The materials of the reviewed book, rich in factual information and author's reasoning, allow us to take a fresh look at the cultural world of the Lower Volga region, which has long been an important region of our country. Its centuries-old military-administrative and economic colonization, viewed through the prism of numerous folk legends and robbery epic, makes it possible to see the history and culture of the Volga region in the context of common ways of historical, cultural and political development of Russia. The review corrects the few factual errors made by the author of the book, misspelling of the names of various historical characters and some other inaccuracies. In addition, there is a scientific debate on controversial issues of historical science. Among the topics discussed are the role of the Old Believers in the emergence of the Pugachev rebellion; the authorship of one of the most famous foreign sources on the history of the Moscow riots of the early XVII century; the role of the Don Cossacks in unleashing and spreading imposture, and many others. The opinion is expressed that a number of author's misconceptions are explained by the level of development of historical science in the second half of the XIX - early XX centuries. It is noted that the book by A.N. Minkh is a genuine encyclopedia of folk legends about robbers, their hidden treasures and their search, as well as a monument to the historical thought of his time. The archeographic work of Saratov archivists in cooperation with historians of Saratov State University on preparation and publishing of a fundamental scientific work of famous pre-revolutionary scientist and public figure is positively evaluated. The article concludes about the relevance of the peer-reviewed scientific work and its undoubted value for modern Russian scientists.

Keywords: A.N. Minkh, the Lower Volga region, robberies and treasures, folk legends, historiography, local history, scientific research, GASO

For citation: Maul V.Ya. (2022) About the book by A.N. Minkh “Robbery and treasures of the Lower Volga region”. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History. 76. pp. 213–219. doi: 10.17223/19988613/76/25

Нужная и полезная отечественным исследователям книга историка, краеведа, этнографа и общественного деятеля второй половины XIX – начала XX в. Александра Николаевича Минха «Разбой и клады Низового Поволжья» до сих пор была известна только узкому кругу специалистов исключительно по рукописным экземплярам, хранящимся в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Научного архива Русского географического общества в Санкт-Петербурге. И вот теперь она, наконец, опубликована и стала доступной широкой читательской аудитории [1].

Издание представляет собой редкий в наше время образец практически безупречной археографической работы, проделанной сотрудниками ГАСО при поддержке коллег из Саратовского государственного университета. Публикацию рукописи предваряет содержательное предисловие, написанное главным архивистом Ю.Г. Степановым [Там же. С. 3–19], в котором акцентируются основные этапы творческого пути А.Н. Минха и дается взвешенная характеристика его научных и общественно-политических взглядов. В соответствии с классическими требованиями правил издания книга содержит развернутые комментарии [Там же. С. 195–258], несущие самостоятельную эвристическую нагрузку, а также поясняющие, уточняющие и дополняющие приводимые А.Н. Минхом сведения по широкому спектру исторических, историографических и других проблем. Удобным путеводителем по ее страницам следует признать именной и географический указатели [Там же. С. 270–313], необходимым подспорьем и живописным украшением – словарь устаревших слов и выражений [Там же. С. 259–269], наряду с коллекцией авторских рисунков к рукописи и фотоиллюстрациями из современного А.Н. Минху альбома «Спутник по Волге и ее притокам Каме и Оке». Изданная в твердом переплете, на качественной бумаге, хорошо сшитая книга, помимо прочего, визуально доставляет эстетическое удовольствие, что вовсе не второстепенная деталь издательского проекта.

Являясь, по сути, итоговым результатом многолетней деятельности видного ученого, сочинение А.Н. Минха представляет собой интерес не только для российской историографии, но также для исторической географии, этнографии, топографии, картографии и краеведения региона, несколько веков игравшего важную роль военно-административного и культурного фронта России. Будучи слабо освоенной и малозаселенной окраиной царства, Поволжье, словно плавильный котел, с давних пор аккумулировало и переваривало в себе взрывоопасный и пассионарный социальный элемент – беглых холопов и крестьян, гулящих людей, дезертиров, беглых рекрутов, каторжников и прочих душегубов всех мастей. Именно им довелось стать «коренными насельниками Поволжья и его первыми подлинными хозяевами» [Там же. С. 5]. Не умея или, скорее, не желая инкорпорироваться в хозяйственную практику государственной и вольнонародной колонизации, они избрали для себя конфронтационную стратегию неадаптивного общественного поведения. Неудивительно, что одним из ключевых маркеров повседневности пестрого социума оказался феномен разбоя и разбой-

ников, до сих пор ждущий полноценной историографической реакции. По справедливой оценке издателей, в «необжитом Поволжье, где почти не чувствовалась рука Москвы, уже в середине XVI в. разбой и воровская вольница стали обыденной реальностью» [Там же. С. 7], сохранив, судя по всему, это свое качество на протяжении следующих двух с половиной столетий.

Конкретизируя предмет изучения, А.Н. Минх указывает на методологически значимую исходную установку, определившую цель, задачи и алгоритм его работы: «В старину предания сохранялись прочнее, в настоящее время многое утрачивается и искажается в народной памяти. Год от года легенда теряет свой первобытный смысл или искалечивается, удержать уцелевшее может только запись» [Там же. С. 114].

В структурном отношении исследование разделяется на четыре части без названий, каждая из которых выполняет собственное познавательное и смысловое предназначение. Вместе они объединяются в логически целостное повествование о специфических сторонах эволюции Поволжья с древности до XIX в. На насыщенном событиями иллюстративном фоне авторский нарратив раз за разом фиксирует наметившиеся культурные тенденции развития края, куда А.Н. Минх попал еще в детском возрасте. Искренние симпатии к ставшей ему родной понизовой земле, беззаветная любовь к местной старине отразились в трогательных аксиологических интонациях, усиливающихся по мере авторского погружения вглубь прошлого. С опорой на народные поверья и красочные легенды изображается не столько история поволжского разбоя, сколько его мифология, тот романтический ореол приключений лихих разбойников и неутомимых кладоискателей, что сродни увлекательным романам Майн Рида, Фенимора Купера или Роберта Стивенсона. Словно бы оттуда в книгу А.Н. Минха проник леденящий кровь рассказ крестьянина Филимона Дьячкина о подвале с пятью скелетами, в котором находится 99 пудов золотых монет разбойника Кудеяра. Или признания безымянного бурлака о находке сокрытого в подземелье клада Стеньки Разина: «Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя железными обручами, возле лежали огромный железный молот и железные прутья. Вдоль стен расставлено множество бочек, насыпанных доверху золотом, серебром и драгоценными самоцветными камнями» [Там же. С. 92, 95]. С этими и подобными им легендами, по словам А.Н. Минха, тесно связываются приметы и суеверия, сродни преданию о чудодейственной «разрыв-траве», поиски коей сопряжены с огромным риском из-за козней нечистой силы [Там же. С. 81–82].

Буквально весь рецензируемый труд изобилует примерами, убеждающими в том, что в далекие времена «не только мирным хлебопашцам, но и ратным людям опасно было в Низовом Поволжье» [Там же. С. 74]. Немало доставалось и купеческой братии, возившей свои товары по Волге. Удалые молодцы шли на грабеж, «не разбирая персидские ли купцы или русские» перед ними, «их грабили одинаково, а при малейшем сопротивлении – убивали» [Там же. С. 50]. При этом А.Н. Минх очень точно подметил имманентную мен-

тальную проекцию своеобразного исторического прошлого региона: «В Саратовской губернии, в особенности же по Волге, – пишет он, – существует масса преданий о разбойниках, которые в старину наполняли этот край. Разбойники, мары и клады составляют характерную черту нашей губернии» [1. С. 99]. Совершенно напрасно публикаторы пытаются принизить значение данного фактора для презентации собственного издания [Там же. С. 16]. Сциентизируя оценку его содержания, они будто стесняются признать, что в доминировании авантюрно-приключенческой тематики коренятся существенные достоинства «Разбоев и кладов», – их открытость для читающей публики и в то же время демонстрация незаурядного авторского мастерства, способного заинтриговать любого обывателя неразгаданными тайнами поволжской земли. Благодаря такому гносеологическому крену книга вовсе не утрачивает высокой научной репутации, но зато ее адресованность перестает замыкаться ограниченным контингентом ученых-интеллектуалов. Она приобретает особое мистериальное очарование в глазах всех, кто интересуется социокультурной историей понизового локуса, его жителей, их повседневными и экстраординарными практиками. При всем том опубликованная рукопись остается фундаментальным исследованием различных сторон колонизационного процесса как органичной части общей истории России. Вобрав в себя колоссальный объем полезной информации, она неизбежно будет востребована представителями различных областей знания.

Хотя родственные или смежные материалы автор порой помещает в разные разделы и не всегда соблюдает, как он пишет, «огоульно-хронологическую» последовательность [Там же. С. 114], удобнее всего придерживаться предложенной в книге внутренней логики.

Первая часть опубликованной работы [Там же. С. 21–76] выглядит наименее самостоятельной и носит преимущественно обзорный характер. Начиная изложение с доисторических времен, А.Н. Минх со ссылкой на сообщения летописей и других авторов рассматривает процессы восточнославянского этногенеза и политогенеза, постепенный рост значения понизового Поволжья, его место и роль в тяжелой эпоху ордынского ига, затем – в торгово-хозяйственных и геополитических интересах Московского государства после подчинения ему Казанского и Астраханского ханств. Говоря о продвижении Москвы на восток, А.Н. Минх приводит ценную информацию о строительстве здесь острогов, сторожевых линий и других не всегда успешных действиях по обеспечению безопасности новых границ от нападений кочевых орд и разбойничьих ватаг. Набор правительственных мероприятий в Поволжье, судя по их перечню, носил типовой характер, в целом соответствовавший тому, как решались аналогичные задачи, допустим, на южных рубежах страны [2. С. 13–52, 183–231]. Пристальное внимание уделяется возникновению и функциональному предназначению донского казачества как защитников «восточной границы нашего государства» [1. С. 44]. Не имея возможности постоянно держать там вооруженные силы, власть вынужденно использовала боевые навыки донских умельцев. Одна-

ко с их же деструктивным разгулом автор связывает наличие воровских городков и распространение разбоев по Волге и ее окрестностям. А после появления знаменитого С.Т. Разина с «работничками» «разбои достигли небывалых размеров» [Там же. С. 63], зато «подвиги» и неуязвимость донского атамана породили в фольклоре вереницу сказаний о спрятанных им кладах с несметными богатствами. Кроме того, следуя историографической традиции, А.Н. Минх тем же донцам отводит значительную роль в беспорядках смутного времени начала XVII в. Он считает их чуть ли не главными виновниками развязывания и распространения самозванчества. Однако принятая в дореволюционный период точка зрения не подтверждается результатами новейших исследований. Специально изучивший вопрос О.Г. Усенко пришел к более взвешенному выводу: «...казаки далеко не всегда и не везде оказывали поддержку лицам, публично претендовавшим на статус монарха или члена его семьи», – но даже «поддержав самозванца, казаки не обязательно шли до конца, что между отдельными группами казачества, вовлеченного в самозванческую интригу, бывали противоречия», а потому «весьма сомнительно, что для казаков было нормой выбирать “государя” из своей среды» [3. С. 73]. Попутно позволю себе указать на две незамеченные издателями ошибки – неверное упоминание фамилии донского атамана Ильи Зерщикова (в книге – Зарщикова) [1. С. 68; 4. С. 238, 239, 293, 296, 303, 308, 317, 320] и приписывание авторства известного иностранного источника о Смуте Мартину Беру. В действительности речь идет о «Московской хронике» Конрада Буссова, зятем которого был упомянутый лютеранский пастор [1. С. 52, 222; 5. С. 462]. Впрочем, последнее заблуждение вполне понятно в рамках научных знаний рубежа веков, когда создавалась рукопись. Завершается первый раздел рассмотрением сюжетов о начале раскола в русской православной церкви и новаторских шагах Петра I, породивших эмоциональную реакцию общественных низов в виде массовых ожиданий грядущего конца времен и расхожего отождествления императора-преобразователя с Антихристом [1. С. 72–74]. Не отвлекаясь на излишнее теоретизирование, саратовский ученый совершенно правильно полагал, что и тот и другой культурный взрыв «возбуждали общий ропот и раздражение народа» [Там же. С. 73], закладывая фундамент под грядущие социальные взрывы.

Тематический замысел автора предметнее всего реализуется во второй главе рецензируемой книги [Там же. С. 77–112]. Но этот же раздел в заметной степени основан на материалах, ранее частично введенных в научный оборот самим же А.Н. Минхом. Главным образом имеется в виду монография «Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии» [6. С. 29–45]. Дополненная теперь новыми сведениями, вся совокупность фольклорных записей автора становится репрезентативной базой данных для будущих этнографических и культурологических изысканий. С отсылкой к сохранившимся легендам и преданиям на страницах публикации собран внушительный ономастикон населенных пунк-

тов, гор, рощ, логов и др., названия которых зачастую связаны с именами или делами различных авантюристов. С завидным постоянством в книге приводится географическая, топографическая, гидрографическая, спелеологическая и тому подобная информация, дающая необходимое представление об особенностях исторического развития Поволжья в конкретных пространственно-временных координатах. Исследовательский потенциал всего этого должным образом еще не изученного массива известий трудно переоценить. На обширной и слабо освоенной территории отнюдь не благородные разбойники веками внушали ужас мирному населению невиданными злодеяниями. Но, словно наперекор всему, народная память донесла и приукрасила легенды о «героях» понизовой вольницы и их сокровищах: «Масса курганов, разбросанных по степям этого края, бродившие здесь разбойники и находки денег, зарытых в лесах, дают богатую пищу народному воображению, – отмечал А.Н. Минх. – По убеждению народа, всякий клад зарывался в старину с заклятием, и надо знать слово, способное его разрушить, тогда он “объявится”, иначе исчезнет». Однако, не отступая перед воздвигнутыми препятствиями, «давно уже ищет и роет их русский народ» [1. С. 82, 83].

Согласно рассказам информантов, существенным подспорьем в разбойничьем ремесле считалось знание особых заговоров, благодаря которым кандалы соскальзывали с рук и ног. Еще можно было «надеть свеч из человеческого жира», позволявших «свободно ходить в чужом доме и воровать», оставаясь незамеченным. Совсем неплохо, если удавалось обзавестись «косточкой-невидимкой», а то и волшебной «спрыг-травой». О последней А.Н. Минх приводит любопытное поверье: «Многие разбойники прежних времен вкладывали под ноготь листок прыг-травы и не трогали его до тех пор, пока он сам “не испарится”. Вор, обладатель прыг-травы, подносит палец к замку, и он тотчас же спрыгивает (отпирается)» [Там же. С. 80–82]. Чудодейственная помощь была крайне необходима «работникам ножа и топора» с учетом переменчивых симпатий капризной фортуны. Воспоминания поволжских старожилов, передаваясь из поколения в поколение, увековечили имена знаменитых предводителей, якобы обладавших сверхъестественной силой. Таков, например, некий Голяев, «который заговаривал ружья, сабли и был способен оборачиваться в разных животных, причем нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы – ясного сокола», а схвачен у своей «полубовницы, что отымает де силу заговора» [Там же. С. 78]. Для понимания психологической атмосферы в Понизовье здорово помогают неоднократно приводимые А.Н. Минхом факты, что правительственные меры по предупреждению грабежей и душегубства лихих людей зачастую не достигали цели из-за готовности жителей с ними мириться, оказывать поддержку и не выдавать властям своей осведомленности. Неписанные правила сосуществования проявлялись в том, что разбойники без особой необходимости также старались не обижать сырых и убогих насельников края, хотя, конечно, такая мирная идиллия была далеко не в каждом случае.

Выше всех других удачливых вожakov народные предания ставят легендарные фигуры атаманов-колдунов Кудеяра и Стеньки Разина. Оба они, успев натворить немало бед, никак не могут упокоиться в мире. Давно превратившийся в седого и древнего старика Кудеяр терзаем по ночам огромной птицей и обречен «века сторожить свои сокровища в горе и несет кару Божию за разбои». Подобно ему, Стенька также жив «по настоящее время» и терпит страшные истязания, когда «змеи сосут его кровь». Встречающимся людям «рассказывает, что все грехи его прощены, кроме одного – самого важного. Этот грех состоит в том, что он ограбил один монастырь, причем зарыл в землю икону Божьей Матери. Эта икона будет томиться в земле до Страшного суда, а он – мучиться в продолжение этого времени на земле» [Там же. С. 92–93, 96, 98].

Сорок лет назад, изучая необычный культурный казус неокончательной смерти, М.Б. Плюханова не была знакома с рукописью А.Н. Минха и обращалась к фольклорным материалам, собранным А.Н. Афанасьевым в книге «Поэтические воззрения славян на природу». На их основании она пришла к фундаментальному выводу: «Смерть, будучи неокончательной, могла повторяться на протяжении биографии одного лица. Эта сюжетная коллизия приобрела важнейший смысл для русской народной эсхатологической картины мира. На ее основе можно было продлевать, переносить, растягивать в принципе однократную и мгновенную ситуацию конца света. То есть неокончательная смерть является фактом сознания такого же порядка, что и неокончательный конец света». Потому-то в русском фольклорно-эсхатологическом сознании Стенька Разин, соединявший в себе сакральные функции избавителя, Мессии и Антихриста, «заклучался в гору, уходил, исчезал, о его близящемся возвращении предупреждали “сынки”, он возвращался под именем Пугачева, возобновляя очищение земли, расправу и суд» [7. С. 192, 196]. Аналогичная культурная природа другого известного А.Н. Минху предания (об «Открывон-граде», за авторством самозванца Тимофея Труженника) [1. С. 93], не так давно была обстоятельно проанализирована Ю.О. Обуховой. Сопоставив рассказ мнимого царевича Алексея с архетипом «Вавилонского царства», историк утверждает, что в легенде об «Открывон-граде» «звучат эсхатологические предощущения конца света, акцентируются мотивы неокончательной смерти, а значит, идея многократного умирания и воскрешения “избавителя”». Кроме того, содержатся хилиастические приметы Страшного суда в конце времен, когда “истинный” царь сможет осуществить свою мессианскую функцию “крайнего судьи”. Наличествуют также в легенде известные фольклору сюжеты о найденных героем сокровищах» [8. С. 400–401]. Выводы обеих исследовательниц позволяют не сомневаться в том, что во всех подобных историях скрытый от поверхностного взгляда глубинный культурный подтекст, пусть на интуитивном уровне, был вполне понятен рассказчикам и их слушателям.

Заканчивая обзор второго раздела, не соглашусь с идентификацией личностей и конфессиональной принадлежности идейных вдохновителей пугачевского

бунта. Сам А.Н. Минх вполне уверен (с ним солидарны издатели книги), что в старообрядческом Средне-Николаевском монастыре Е.И. Пугачев получил от игумена Филарета «первое благословение на самозванство, и жители слободы Мечетной были из первых его укрывателей». К этому же тезису автор возвращается на более поздних страницах [1. С. 110, 168]. Между тем «протокол допроса Пугачева 18 ноября и не зависящие от него следственные показания людей, встречавшихся с ним во время его скитаний в 1772 г.», полностью опровергают распространенный историографический штамп, будто «идея самозванства была внушена местными раскольниками, а позднее одобрена и поддержана их единоверцами на Дону, в Поволжье и Заволжье, на Иргизе и Яике». Да и сам «император казаков» в конце концов признался, что оболгал Филарета, не зная «на кого б другова ему сослаться» [9. С. 128, 129].

В третьем разделе [1. С. 113–164] реальные события, происходившие в Поволжье, опять изображаются сквозь призму их переработки в ментальной лаборатории народного творчества. За основу исторического описания берется более поздний хронологический пласт, преимущественно XVIII столетие, но встречаются экскурсы в обе стороны от него. По своей направленности текст совпадает со второй частью, добавляя некоторые штрихи к прежним авторским суждениям. Значительное место отведено преданиям о возникновении тех или иных поволжских городов и сел. Окружавшие их густые леса, степные, горные и водные окрестности, в том числе Аткарский уезд Саратовской губернии, где проживал и трудился А.Н. Минх, по-прежнему оставались надежным приютом и удобными театральными подмостками, на которых многочисленные разбойные ватаги исполняли свои сольные партии. Их подлинные или переосмысленные дела, как в былые годы, нередко сохранялись за названиями географических объектов и обрастали новыми легендами и мифами, подобно тому как это случилось с Вислым лесом, а «имя его произошло от того, что в нем атаманы вешали ограбленных ими путешественников». Предание еще добавляет, «что в этом лесу зарыты ими клады» [Там же. С. 154]. Поддаваясь утопической иллюзии быстрого обогащения, нередко до умопомешательства, забывая о собственном хозяйстве, крестьяне (и не только они) десятилетиями упорно искали призрачные сокровища.

Постепенно под искусным пером А.Н. Минха романтическая аура разбойного эпоса начинает рассеиваться. Те или иные неприглядные действия злодеев-удальцов нового времени все чаще сопоставляются с пугачевским лихолетьем, будто бы предсказанным разного рода небесными знаменами, о которых проницательный люд заключал, что «все это не к добру» [Там же. С. 166]. Народ, вспоминая старожилы, «сделался как шальной, и бояре (помещики) прятались от Пугачева. Прошел тогда слух, что Пугач хочет освободить народ от помещиков и наделить мужиков земель, сделав их вольными», и, заметим, очень важно, что мужик «верил и шел к нему». Не удовлетворившись аргументами собеседников, А.Н. Минх посчитал необходимым добавить, что «к сонмищам Пугачева»

также приставали участники различных воровских группировок [Там же. С. 144, 160]. С подобным уточнением нельзя не согласиться: действительно, разбойный элемент, но главным образом вовсе не он, был одним из источников формирования рядов восставших. И вот уже между тривиальными бандитами с большой дороги и протестующими пугачевцами, по существу, поставлен знак равенства. По этому поводу Ю.Г. Степанов высказал удивительно точную мысль: «Русский разбой, как и русский бунт, был отчаянной попыткой народа отстоять свою свободу, даже такой ценой» [Там же. С. 15–16]. Но, как кажется, едва ли автор книги захотел бы подписаться под этими словами. Неслучайно он старался подчеркнуть негативный осадок в местных преданиях о Е.И. Пугачеве, особенно в тех губерниях, «где его именем грабили, резали, вешали и истязали помещиков, чиновников и других лиц» [Там же. С. 169].

Повествование о народном мятеже незаметно перетекает в заключительный раздел [Там же. С. 165–194], написанный, как сказали бы сейчас, на языке вражды. По крайней мере ни один из бывлых атаманов или их товарищей, в отличие от всех пугачевцев скопом, не заслужил от А.Н. Минха столь нелюбезных эпитетов: «сволочь», «сброд» и т.п.

Лейтмотивом дальнейшего действия являются многочисленные зверства пугачевщины, творимые руками самого предводителя и его соратников. По отношению к ней А.Н. Минх менее всего проявляет себя беспристрастным ученым-исследователем. Да и как обычный здравомыслящий человек – он представитель дворянского сословия, а отнюдь не ревностный защитник униженных и оскорбленных. Поэтому абстрактные нравственные категории «добра» и «зла», «добродетелей» и «грехов» он не мог воспринимать без гнева и пристрастия, но только в рамках естественных для образованных господ мировоззренческих установок. Они хорошо прослеживаются при знакомстве с записками мирового посредника, обязанности которого в своем уезде ему довелось исполнять после отмены крепостного права. В одном из описанных там случаев он буквально насмехается над «невежеством» земледельцев, твердивших «о “сипации” (эмансипации) как о существе одушевленном; в особенности много толковали о “сипации” бабы, называя ее Индейской королевой, которая должна скоро придти». Иначе говоря, по его собственным словам, крестьяне – это грубая и необразованная масса. При соответствующем раскладе их вполне допустимо «по-отечески» поучить, как повсеместно бывало в более или менее отдаленные времена. А.Н. Минх не видел ничего предосудительного, если «доставалось иногда человекам 5–10 попробовать розог». С чувством сопереживания он признает отдельные эксцессы и перегибы, но объясняет их тем, что «помещику, в особенности старику» трудно было в короткое время совершить полный переворот «вековых закоренелых привычек, понятий и убеждений» [10. С. 5]. Отсюда следует, что проблемы недавних крепостников автору книги достаточно близки и понятны, вникнуть же в эмоционально насыщенный мир крестьянских тягот и волнений ему не дано. Не признавая за просто-

людинами равного человеческого достоинства, он не признавал за ними и права на его защиту, вплоть до насилия над теми, кто веками творил бесчеловечный произвол. Полагаю, именно сословные стереотипы предопределили авторский негативизм в отношении к пугачевскому бунту. Искреннее душевное сочувствие к его жертвам оборачивается едва ли не библейским «Аз воздам» по отношению к поверженным бунтовщикам. Впрочем, в таком аксиологическом предубеждении к борющимся за вольную жизнь крестьянам, казакам, горнозаводским работникам, башкирам, татарам, морд-ве и прочим повстанцам А.Н. Минх был отнюдь не одинок. Достаточно вспомнить, например, классические монографии дореволюционных историков Н.Ф. Дубровина, А.И. Дмитриева-Мамонова и др. Более того, честь и хвала ему за то, что в отличие от многих современников он не только сумел увидеть и оценить уникальное своеобразие народной культуры, но осознал необходимость сохранения ее богатого наследия. Рецензируемая книга, наряду с более ранними работами, является неоспоримым тому доказательством. Что касается фактических неточностей, можно упомянуть неверное именование двух лжеимператоров, ошибочное предположение, что некий мнимый Иван Антонович гипотетически мог возглавлять народный бунт, а большинство самозванцев, подобно записным живодерам, будто бы без

конца «жгли, грабили, убивали» [1. С. 166–167, 168]. Но в этих заблуждениях нет личной вины А.Н. Минха, они вызваны недостаточной осведомленностью тогдашней историографии о тонких нюансах самозванческих интриг XVIII столетия, к тому же их незначительность неспособна умалить огромный концептуальный и эвристический масштаб «Разбоев и кладов» в отечественной историографии.

Подводя итоги, соглашусь с мнением Ю.Г. Степанова, что труд А.Н. Минха сохраняет высокую актуальность, имеет исключительное значение для российской исторической науки и всегда будет вызывать непреходящий интерес «как у специалистов, так и у всех тех, кто интересуется историей России» [Там же. С. 16]. Знакомство с ним показало, что мы имеем дело с ярким памятником исторической мысли, являющимся, кроме того, подлинной энциклопедией народных преданий и представлений об очень важных и малоизвестных страницах минувших столетий. Титаническая работа, которую пришлось проделать Александру Николаевичу Минху, несомненно, уготовила ему достойное место в ряду доблестных служителей Клио. Поэтому от лица многоликой корпорации ученых хочу выразить глубокую признательность всем саратовским коллегам, приложившим руку к изданию замечательной книги «Разбои и клады Низового Поволжья».

Список источников

1. Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2021. 336 с.
2. Ляпин Д.А. На окраине царства : повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
3. Усенко О.Г. Казаки и самозванцы в период Смуты // Мининские чтения : сб. науч. тр. Н. Новгород : Кварц, 2012. С. 65–77.
4. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) : сб. док. М. : О-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 527 с.
5. Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. 608 с. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX).
6. Минх А.Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии (собраны в 1861–1888 годах). СПб. : В тип. В. Безобразова и ком., 1890. 152 с.
7. Плоханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья : сб. ст. М. : Наука, 1982. С. 184–200.
8. Обухова Ю.А. Социальная утопия самозванца Тимофея Труженника (легенда об «Открывон-граде») // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2014. С. 397–402.
9. Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками : источниковедческое исследование. М. : ИРИ РАН, 1995. 272 с.
10. Минх А.Н. Из записок мирового посредника // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов : Тип. Союза печат. дела, 1911. С. 1–29.

References

1. Minkh, A.N. (2021) *Razboi i klady Nizovogo Povolzh'ya* [Robberies and Treasures of the Lower Volga Region]. Saratov: Saratov State Law Academy.
2. Lyapin, D.A. (2020) *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the outskirts of the kingdom: daily life in the south of Russia in the 17th century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
3. Usenko, O.G. (2012) Kazaki i samozvantsy v period Smuty [Cossacks and impostors during the Time of Troubles]. In: *Mininskie chteniya* [The Minin Readings]. Nizhny Novgorod: Kvarc. pp. 65–77.
4. Kirievsky, I.I. (ed.) (1935) *Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.)* [The Bulavin Uprising (1707–1708)]. Moscow: Society of political prisoners and exiled settlers.
5. Bussov, K., Elassonkiy, A. & Gerkman, E. (1998) *Khroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova.
6. Minkh, A.N. (1890) *Narodnye obychai, obryady, sueveriya i predrassudki krest'yan Saratovskoy gubernii (sobrany v 1861–1888 godakh)* [Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province (collected in 1861–1888)]. St. Petersburg: V tip. V. Bezobrazova i kom.
7. Plyukhanova, M.B. (1982) O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii XVII v. [On some features of personal consciousness in Russia in the 17th century]. In: Karpushin, V.A. (ed.) *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 184–200.
8. Obukhova, Yu.A. (2014) Sotsial'naya utopiya samozvantsa Timofeya Truzhenika (legenda ob "Otkryvon-grade") [The social utopia of the impostor Timofei Truzhenik (the legend of Otkryvon-grad)]. In: Isaev, D.P. et al. *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshcheyna i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoy nauki* [Scientific legacy of Professor A.P. Pronshcheyna and topical problems of the development of historical science]. Rostov on the Don: Fund for Science and Education. pp. 397–402.
9. Ovchinnikov, R.V. (1995) *Sledstvie i sud nad E.I. Pugachevym i ego spodvizhnikami : istochnikovedcheskoe issledovanie* [Investigation and trial of E.I. Pugachev and his associates: a source research]. Moscow: RAS.
10. Minkh, A.N. (1911) Iz zapisek mirovogo posrednika [From the notes of the mirovoy posrednik (conciliator)]. In: *Materialy po krepostnomu pravu. Saratovskaya guberniya* [Materials on serfdom. Saratov Province]. Saratov: Tip. Soyuz pechat. dela. pp. 1–29.

Сведения об авторе:

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске) (Нижневартовск, Россия). E-mail: VYMaul@mail.ru

Information about the author:

Maul Viktor Ya. – Doctor of History, Professor of Tyumen Industrial University (Nizhnevartovsk affiliate) (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 22.02.2022